

Сергей Ростовцев

Небесный

Суд II

16+

Сергей Юрьевич Ростовцев

Небесный Суд III

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53643970

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06565-9

Аннотация

Сижу дома. Самоизоляция. Пытаюсь сделать грамотным текст одной серьёзной книги. Устал. Чтобы расслабиться собрал все свои фантастические сатирические опусы. Вышло на небольшую книгу. Перечитал. Понравилось. Это книга рассказов фэнтези, научной фэнтези, фантастики, научной фантастики и научной нефантастики. В книге имеется мистика, хорор, футурология и прочая дребедень. В ней серьёзное подаётся как насмешка, а под насмешку маскируются серьёзные вещи. И наоборот. Где и что, я предлагаю вам разобраться самим. Чай, не в лаптях. Сидите дома! Читайте. Автор в группе риска. Если что, явлюсь к вам приведением. Страшно???

Содержание

Обозначились	4
Небесный Суд – третий сезон	8
Неожиданные посетители	10
Флэшка	14
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Обознались

Альберт всю жизнь, всю свою жизнь мечтал об одном: Сделать жизнь на Земле более счастливой. Но как ни странно в голову приходили различные технические идеи и идеи в математике, а не что-то такое, что могло улучшить общество и сделать его добрее.

Даже ни одного медицинского изобретения он не сделал.

Но мало изобрести, придумать. Нужно донести свою идею до общества.

А в обществе, каждый думал о своем, и чьи-то идеи его не интересовали. Очень интересовала зарплата, жилье, дети, еда... хотя еда интересовала в меньшей степени. Всех интересовал секс. Казалось, за секс они готовы пожертвовать все – даже душу продать.

Ведь что такое душа. Душа, это умение сопереживать кому-то другому, как себе.

Разве кому-нибудь этого умения жалко?

Душу за секс? Бери – не хочу!

Хотя какой секс, без сопереживания?

Секс без сопереживания это случка. Секс без сопереживания, действительно жалкое подобие онанизма.

Хотя, стремясь к сексу, большинство старалось самоутвердиться.

Самоутверждаться, считал Альберт , нужно раздвигая

границы познания. Секс, настоящий секс это чистая радость сопереживания.

Альберту обучаться было не просто, но он делал это легко. Он все время старался чему-то научиться. Час без новых знаний он считал потерянным временем.

Учиться было легко, потому что знания сами входили к нему в голову. Казалось, он их просто вспоминал. Прочитав, одну страницу он, как будто бы, овладевал знаниями десятка книг. Он умел анализировать и делать выводы. Но и книги, и те страницы которые он прочел, доставались ему случайно. Ни кто не был заинтересован, что бы из его племени вышел ученый. Эту кастовость он ненавидел.

Какая цивилизации разница, кто сделал открытие? Какая цивилизации разница, кто дал ей то, чего у неё раньше не было.

А Альберт был честолюбив.

Все на этой планете должны знать что это он аналитически решил, доказал те теоремы, над которыми человечество билось веками. А как продвинуть те изобретения, которые бы облегчили жизнь простых обывателей, но совершенно не интересовали корпорации?

Один двигатель, практически вечный двигатель, на переработанных отходах для атомных станций чего стоил? Этот двигатель был гордостью Альберта. Он рассчитал его до мельчайших деталей, до последнего винтика.

Но кому-то нужна вечная и практически не изнашивающаяся машина?

А генератор на крыше дома, который давал бесплатное электричество без всяких реакций?

Нужен?

Но как пробить стену? Как заявить о себе.

Альберт размышлял об этом, прогуливаясь вдоль своего двора и смотря на звезды. У него рождался проект двигателя на магнитных полях галактики, когда к ограде его двора подошли двое

– Этого берем завтра – показал на Альберта молодой человек своей спутнице.

– А генетика у него подходящая? – спросила девушка.

– Генетика что надо. Генетика старика Эйнштейна. Вполне сгодиться его внучатому племяннику. Мы уже проверяли.

– Ну, так там только пересадка сердца и печени. А остальное?

– Остальное... на удобрения остальное. Эти старые ослы говорят, что пускать в пищу генетически модифицированных свиней, все равно, что питаться человечинной.

– А кто он этот внучатый племянник?

– Алкоголик, бабник и картежник. Напивался, как свинья. От того, что выпил, какой-то гадости, печень и оказалась. А сердце давно шалило.

– И у него хватило денег на операцию?

– Что ты? Какие у него деньги. Просто как родственнику великого человека, ему это сделают.

– Но этот кабан, тоже родственник?

– Это кабан, а не человек. И растили его специально для такого случая.

Альберт понимал каждое слово.

Он понимал, что это конец.

Он понимал, что уже никогда и никому он не сможет передать то, что создал его мозг. Не будет ни вечных автомобилей, ни автономных электростанций, ни космических путешествий по магнитным полям, и о его решениях древних теорем, тоже ни кто и ни когда уже не узнает.

А то, что своей жизнью он продлит существование, какого-то алкоголика, который «Напивался, как свинья», не утешало.

Звезды, казалось, навалились на него своими холодными безжалостными лучами, пронзая доброе кабанье сердце и ясный мозг Альберта Эйнштейна.

– Эти люди... Эти люди... Эти люди просто обознались!

P.S. Опыты по выращиванию генно-модифицированных в человеческую генетику организмов, в Китае разрешены в медицинских целях.

Небесный Суд – третий сезон

Это фэнтези пародия-гротеск на фильм «Небесный Суд».

Почему и зачем?

Сначала после просмотра второго фильма у меня возникло такое чувство, как у композитора, когда исполнитель не закончил музыкальную фразу. Композитору нужно разрешение этой фразы. Читателю, зрителю тоже нужно, чтобы ситуация как-то разрешилась, и у него появились ответы на все вопросы.

Иначе получается, что мне дали читать книгу, но последние главы в неё не вставили.

А третий «Небесный Суд», как я прочитал, решили не снимать.

Я утверждаю, что это издевательство.

Поэтому я решил придумать для себя, чем оно окончится, и успокоиться.

Но чем больше я придумывал, тем смешнее становилось.

Получалось, что всё отделение Небесного суда работает для одного квартала провинциального города, и этот город практически единственный на всей планете.

Любовник бывшей жены, попал на суд, где прокурором был бывший муж. Убившая адвоката пассия лечила зубы у его посмертной любовницы. При этом в этот район кроме явно православных входило и село, где был святой Клаус и

пресвитер Преториус.

А иначе как? Если с разных концов планеты, то какова вероятность таких связей адвоката и прокурора? И где негры, китайцы... для политкорректности? И вообще, иноязычные? Или там только русский? А если там не язык, то как понимать эту их вербальную систему общения.

И вообще, заданные правила таили в себе такие возможности...

Неожиданные посетители

В Киеве, на улице Предславинская, 45/9, на втором этаже серого здания прокуратуры юрист третьего класса Ткаченко Павел Анатольевич вёл обычный приём населения.

Приём начался, как и положено, во вторник в 9:00 и должен был закончиться в 12:00. Потом двухчасовой перерыв.

Была уже половина двенадцатого. Сегодня столпотворения не было. Да и тех, кто был, Павел Анатольевич (кстати сказать, молодой человек, которому едва исполнилось 30), выслушав в течение трёх-пяти минут, направлял туда, куда эти посетители должны были бы идти сразу, если бы они это знали. В этом, собственно, и была работа Павла Анатольевича.

Тем неожиданней был визит двух мужчин, по внешности которых Павлу Анатольевичу сразу стало ясно, что это люди обеспеченные, влиятельные. Эти точно знали, куда они идут.

Это прокурора немного напрягло.

«Зачем я этим понадобился?»

– Здравствуйте, уважаемый Павел Анатольевич! – начал более молодой мужчина,

«лет сорока – сорока пяти, светловолосый, рост 175 – 178 сантиметров, вес около 90 килограммов, видимо, занимался борьбой», – отметил про себя прокурор, но продолжал слушать, а мужчина продолжал:

– Мы к вам по немного странному делу, но поверьте, мы очень хорошо всё взвесили, прежде чем к вам обращаться.

Смотрели ли вы фильм «Небесный суд»?

Прокурор на секунду задумался. Конечно, «Небесный суд» он смотрел. Ещё бы. Но там играл Пореченков и фильм в Украине был запрещён. Но эти двое не походили на «свидомых».

– Я знаком с содержанием этого фильма.

– Хорошо, что вы его смотрели. Это сократит нам объяснения. Вы смотрели первую и вторую часть, – уже не спрашивал, а утверждал мужчина.

– Извините, пожалуйста, назовитесь. У нас не принято разговаривать с незнакомцами.

Мужчины улыбнулись.

– Меня зовут Семён Славко, а моего спутника – Василий Владимирович Петриченко. Мы из... скажем, правоохранительных органов России. У нас не сильно низкие должности. Наш визит к вам согласован с Романом Михайловичем Говдой. Вот его приглашение, – Славко протянул Павлу Анатольевичу стандартную форму их организации, где внизу красовалась подпись главного киевского прокурора.

«По Вашему вопросу Вам следует обратиться в прокуратуру города Киева.

Гарантирую поддержку и отсутствие формальностей». – прочёл Павел Анатольевич и подумал, что это очень странное письмо для нынешнего времени.

– Так Роман Михайлович принимает завтра с 10 до 13.

– Нет, Павел Анатольевич, нам нужно именно к вам. Если вы согласитесь с нами сотрудничать (не бесплатно, конечно), в секретариате вас ждёт освобождение от приёма посетителей до конца недели, а там посмотрим.

– В чём будет заключаться моё сотрудничество и сколько это «не бесплатно»?

– Нам нужно разобраться с происхождением некоторых сотрудников милиции и адвокатуры из Киева, находящихся сейчас в России. Но мы хотели бы, чтобы вы поняли, о чем идёт речь. Поэтому давайте вернёмся к фильму.

Фильм имел определенный успех. Не всё выражается в сборах. Этот фильм посмотрело некоторое количество народа, и все ждали, когда будет третья часть.

А третью часть решили не снимать. Причины этого вполне могли заинтересовать налоговое управление, но много работы и разбираться в причинах каждого экономически неоправданного действия некогда. Подозревать, что тут может быть нечто криминальное, нет оснований. Да и дел много. Скорее всего, какой-то конфликт между владельцами интеллектуальной собственности.

Но недавно к нам анонимно была направлена в письме флэшка с третьей частью «Небесного суда» в прозе и с каким-то списком. Просто списком.

Молодой прокурор, которому была передана эта флэшка вместе с остальными вещдоками, прочёл эту прозу и решил

раздобыть сценарий первых двух частей. Это ему не удалось. По крайней мере мы знаем, что он только успел обратиться к правообладателям. И тут случилась авария, в результате которой молодого прокурора не стало.

Авария служащего прокуратуры вызвала больший интерес, чем флэшка с фантастической прозой. Молодой прокурор никакими другими делами загружен не был. И вообще, он был сыном очень уважаемого человека, так что его не загружали.

После этого, пытаясь найти причины возможной скоропостижной смерти и не найдя их в здоровье парня, мы начали разбираться в делах, которые он вёл, и вышли на след ещё более странных событий. Даже не событий, а стечений обстоятельств.

Однако, прежде чем продолжить диалог, нам бы хотелось... – тут Семён Славко посмотрел на своего старшего напарника, наблюдавшего за диалогом, тот кивнул, и Семён Славко продолжил, – чтобы вы внимательно пересмотрели обе части фильма и прочли последующий текст. Всё это здесь. – Семён Славко протянул Павлу Анатольевичу маленькую сумочку размером с бумажник. Когда освоите материал, позвоните по этому телефону, – закончил он и протянул визитку.

Флэшка

Картина 1.

Володя, хлипкий рыжий сутулый парень двадцати трёх лет жил в студенческом общежитии. Придя в свою комнату после вечеринки в хорошем подпитии, он был ещё и сильно голоден.

Он заглянул в общий холодильник.

В комнате кроме него жили ещё пятеро. На его месте, на нижней полке справа стояла кастрюлька с недельной давности супом.

Он заглянул в кастрюльку, понюхал суп и скривился.

Нет, суп был ещё вполне съедобен, но хотелось чего-то другого.

Хотелось чего-то маленького, чтобы не нужно было искать чистую тарелку, чистую ложку, греть суп в маленькой стоящей у окна микроволновке. А потом ещё нужно было вымыть тарелку, потому что оставишь её в комнате немытой – утром заклюют за разведение тараканов.

А в правом углу на второй полке у его соседа по комнате Вадима красовался пакет с двумя или тремя хот-догами.

Вадим всегда покупал именно их, и Володя не сомневался в содержимом пакета.

Он развернул пакет и увидел два хот-дога.

Вынул один и слегка раздув пакет с оставшимся хот-до-

гом, положил его на место.

В комнате шести вечно голодных пацанов тяжело будет разобраться, кто стырил один из хот-догов. Да и несправедливо это, когда одному два, а другому... В общем, несправедливо.

«А захочет Вадим – я ему супа дам», – подумал Володя, разогрев хот-дог в микроволновке.

Хот-дог был вкусным, но удивительно острым.

«Перца не пожалели», – подумал Володя, запив это удовольствие холодной водой и ложась в свою койку.

Снились какие-то кошмары.

Снилось, что он с какой-то очень взрослой женщиной искали место, где трахнуться. Вроде зашли в какой-то дом. И вдруг он понял, что в доме пожар.

Женщина выскочила из комнаты, где уже горели стены, а Володя увидел в углу маленькую испуганную девочку, прижавшую к груди старую Володину матерчатую куклу, оставшуюся в доме на окраине Тулы, где Володя родился.

Девочка с ужасом смотрела на пылающий потолок.

Володя схватил её на руки и кинулся к двери, но понял, что потолок в комнате вот-вот рухнет.

Тогда он бросил девочку в дверной проём, где маячил пожарный и до которого Володе добраться уже шансов не было. Потолок обвалился, и Володя и во сне, и наяву забился в диком кашле от подступившей к горлу и выплеснувшейся туда горечи. Он задохнулся.

Задохнулся и во сне, и наяву.

А сон казалось, продолжался.

Его везли в лодке к какому-то замку мужики, чьи лица были скрыты капюшонами.

Потом Володя шел по коридору, где ему вручили сообщение, что он умер. Там были какие-то его права и сообщение, что он будет судим, и судим по последнему деянию. Последнее деяние? А что считать последним деянием: воровство булки с сосиской или спасение ребёнка из огня? Он не знал.

Коридор заканчивался лестницей, ведущей вверх.

В конце лестницы, там, где она разветвлялась на два прохода, стоял стол, за которым сидела худосочная блондинка лет тридцати пяти.

Володя подошёл к ней.

– Почему по последнему? – спросил Володя, вспоминая, не переводил ли он какую-то бабушку через дорогу или собирал ли металлолом в школе.

Девушка вздохнула, улыбнулась, показала ему отрывок какого-то фильма, из которого он не понял ничего, кроме того, что спорить бесполезно.

К Владимиру подошли двое мужчин в элегантных чёрных костюмах.

– Я ваш адвокат, – сказал улыбчивый плотный мужчина в красном галстуке.

– А я ваш прокурор, – сказал второй, худощавый.

Они повели его в комнату, где стали расспрашивать о его

жизни.

– Не пытайтесь ничего скрывать ни от меня, ни от прокурора, – сказал ему плотный мужик, представившийся Вениамином. – Тут и ваши сны, и ваши мысли мы можем увидеть. Расскажите нам о себе сами. Как вы оцениваете свою жизнь?

– А что мне грозит? Ад?

– Мы не используем таких понятий, как ад и рай. Есть Сектор Покоя, Есть Сектор Раздумий. В Секторе Покоя есть различные ранги, в Секторе Раздумий есть различные уровни.

– Температура смолы в котлах?

– Не думаю. Хотя мы об этом ничего не знаем. Мы нужны для того, чтобы более полно представить вас и ваши поступки и помыслы Небесному суду присяжных. Они решают.

– Я очень плохой человек. Я эгоист. Я всегда думал только о себе. Если я делал кому-то хорошо, то только для того, чтобы мне потом было лучше.

– Ваше мнение о себе, нас интересует в последнюю очередь. Каковы ваши поступки? Вы убивали, лгали, прелюбодействовали, наушничали?

– Я не убивал. Прелюбодействовать хотел, но у меня не получалось. За всю свою жизнь у меня было три девушки. Это было не моё, а их решение. И все три бросили меня сами. Я старался не лгать, но у меня не всегда получалось.

– Вы старались не лгать?

– Да. Но только для того, чтобы не попасться и мне потом

не было хуже. Я не наушничал... Я, даже не знаю, зачем это делать. Я не вижу никакой пользы для себя – наушничать.

– Хорошо. Тогда отдыхайте, а мы посмотрим, насколько вы были искренни, – сказал Вениамин.

Владимира отвели в комнату, где он улёгся на твёрдое, но укрытое красным атласом ложе. Он стал вспоминать свою жизнь, пытаясь найти хоть что-то, что позволило бы ему претендовать на сектор покоя. Искал, но не находил.

Картина 2.

В большом зале отделения Небесного суда собрались присяжные, юристы, администраторы и другие служащие.

Перед собравшимися в зале выступал невысокий полноватый мужчина с залысынами.

– Господа! Предыдущая инспекторская проверка вашего отделения закончилась поражением. Инквизитор оказался самозванцем и был по заслугам отправлен в сектор раздумий. Но это не означает, что все нарушения, замеченные в вашем отделении, должны продолжаться. У инквизиции сложилось ощущение, что ваше отделение из отделения суда превратилось в место, где можно продолжать земную греховную жизнь. Я не ханжа и не отрицаю всех прелестей мира живых, но вы представьте, что там произойдёт, прознай тамошние юристы о таком безобразии. Начнётся волна самоубийств.

Ваше отделение как будто объявления вывешивает о су-

ществовании нашей инстанции, но информация в мире живых о нашем мире для живых людей смертельна. Многие не знают... недостаток образования... но как только догадки и верования переходят в информированную уверенность или даже в полную веру, следует смерть. ОН, понятие о котором даже мы не используем, ограничивает распространение информации самым радикальным образом.

После того, как НЕКТО искупил грехи, очень большая часть населения той местности отправилась в сектор покоя без суда и следствия, а второй храм Израиля был уничтожен.

Но бывает и хуже. Когда сумасшедшие святоши таки добиваются полной веры в наш мир, в их мир приходит чума. Европа, как некоторые ещё помнят, всего несколько столетий тому познала, что такое ЕГО гнев. И поскольку их грехи никто не искупил, работы в отделениях той местности было очень много.

Пожалейте заранее тех, кого вы потом будете судить. Не стариков... Старики чаще и без вашего суда направляются в сектор покоя. Пожалейте молодых, юных и тех, кто в самом расцвете лет.

Поэтому... – инспектор словно вырос и, казалось, глядел в глаза каждому, – МЫ эти безобразия прекратим. Вы умерли, господа! Умерли! вас оставили тут не для того, чтобы получать личное удовольствие, а для того, чтобы облегчать умершим понимание того, что они умерли. Суд должен не просто выносить приговоры, а объяснять на понятном умер-

шему языку, за что ему выпала чаша сия. Облегчать смиренное следование своему пути в этом мире.

Мы должны облегчать путь к смирению перед неизбежным, а не использовать наше положение для неосуществленных ранее личных амбиций.

Мужчина сделал паузу.

– Никаких смертельных галочек я вводить не собираюсь. Но с сегодняшней полуночи за всеми служащими вашего отделения вводится видеоконтроль. Всё что видите вы, буду видеть я. Всё, что слышите вы, буду слышать я. Эта мера предусмотрена статьёй 56, пункт второй внутреннего кодекса, и требует предупреждения за двенадцать часов до введения. Что я сейчас и делаю.

Второй мерой для нарушителей закона и порядка будет специализация сроком до десяти лет в условиях сектора раздумий третьего уровня. Мы не определяем эту специализацию словом «ад». Мы не приветствуем этого понятия. Но предупреждаю: попавшим на неё ад, о котором писали на Земле, мог бы показаться раем – понятием, которое мы тоже не употребляем.

И чтобы показать, что открытость – это совсем неплохо, до сегодняшней полуночи вам будет открыта возможность узнать обо мне всё, что вы захотите, и вы сможете видеть и слышать мир моими глазами и ушами. По желанию, конечно. Я гарантирую, что ваше желание никак не скажется на моём к вам отношении и не будет иметь последствий.

Третьей мерой, чтобы прекратить случаи сговора адвокатов и прокуроров, которые имели место до сих пор, я периодически по ходу процессов буду подменять адвоката или прокурора. Так что договариваться об условных знаках до сегодняшней полуночи бессмысленно.

Это, пожалуй, всё...

И вместо субъекта, нависающего над каждым, инспектор вновь превратился в невысокого полноватого мужчину с залысынами.

– Вопросы есть?

– Скажите, а то, что мы видели и слышали до сих пор, вы сможете видеть нашими глазами? – спросил плотный мужчина кавказской наружности.

– После сегодняшней полуночи я буду иметь на это право, но я не буду этим пользоваться. Я понимаю, что для качественной работы нужны нормальные люди, занятые не только воспоминаниями о том, что они видели и слышали вчера. Не беспокойтесь. Я собираюсь прекратить безобразия, а не превращать вашу жизнь в... Впрочем, это понятие мы не используем.

– А будет ли сохранён бар? Не заберут ли у оттуда музыкантов? И вообще, не собираетесь ли вы что-либо менять на бытовом уровне? – спросил другой мужчина, жилистый и со слегка ослабленным галстуком.

– Всё, что явно не противоречит законам, останется.

– А как к вам обращаться? Господин инспектор? – спро-

сила худосочная блондинка лет тридцати пяти.

– Можно и «Господин инспектор». Можно и по имени отчеству. Меня зовут Иуда бен Менаше, или Иуда Менашевич. Но это начались вопросы о личности. В Небесном суде я давно. Но сначала за последнее деяние – убийство десяти человек – был две тысячи лет в секторе раздумий.

Позднее был освобождён, так как было учтено, что все убитые мной были с оружием в руках, убивали и были лишь малой частью от тысяч, разрушавших мой храм.

Поводом к пересмотру дела примерно две тысячи лет назад послужило искупление грехов добровольной смертью мученика, позднее возвращённого в мир.

Так как до смерти я был одним из Судей Израилевых, заседавших в Синедрионе, меня призвали в святую инквизицию. Именно поэтому никаких смертельных галочек я не приемлю. Сами слова «смертельная галочка», употреблявшиеся бывшим лжеинспектором, мне противны. Мы умерли, господа. Мы уже умерли. Но на длительную экскурсию в сектор раздумий юристы, служащие... да и присяжные вполне могут быть отправлены. Надо же знать, к чему ты приговариваешь человека?

И не волнуйтесь, я не наломаю дров по незнанию. Я взял себе помощника, немного знакомого с вашим отделением.

Пресвитер Преториус! Войдите.

В зал вошёл невысокий мужчина в белой хламиде.

– Прошу любить и жаловать, – сказал Иуда Менашевич,

делая жест в сторону пресвитера.

Картина 3.

Господин прокурор, или просто Андрей, после состоявшегося общего нагоняя зашёл к Морфее. С Эвридикой он решил поговорить позднее. За последнее время между ним и Эвридикой выработался определённый язык, который просмотром их действий распознать было непросто. Это успеется. Сначала дело.

– Как тебе новый инспектор? – спросил он Морфею.

– Ты уверен, что нужно высказываться вслух по этому поводу?

– Да. Ты права. Но я, собственно, не за этим. Пока не полночь, хочу спросить, не знаешь ли ты, что там с моей бывшей женой произошло за прошедшее время?

– А я всё ждала, когда же ты поинтересуешься. Если бы не инспектор...

Морфея включила проектор. На экране Вероника гладила и жаловалась Никите на бюющий током утюг. Вероника была беременна, причём, похоже, на последних месяцах.

Никита сидел на диване и читал газету.

– Тебе обязательно ехать? У тебя прекрасный повод пропустить эту встречу. Ты беременна.

– Ну, мы каждые пять лет собираемся. Через пять лет я повезу туда показать сына. И не беспокойся. Поезд – не самолёт и не автобус. Что с ним может случиться? – Вероника

догладила платье.

– Случиться может что угодно и тогда, когда этого не ожидаешь. Ну ладно, будем надеяться на лучшее.

– Счастливый отец, – сказал Андрей, глядя на экран.

– Отец? – насмешливо переспросила Морфея.

– Что ты хочешь сказать? Моя бывшая жена нагуляла ребёнка?

– Внимание на экран, – сказала Морфея. – Это запись девятидесятилетней давности...

– Надеюсь, ты не будешь показывать процесс зачатия?

– Не буду. Хотя в этом зачатии нет ничего такого, что тебе противопоказано видеть.

На экране появилась Вероника со своей подругой.

– Знаешь, – говорила Вероника своей подруге, держащей на руках годовалого младенца. – Уже год как мы с Никитой в браке и не предохраняемся, а ребёнка всё нет.

– Так сходите к врачу. Проверьтесь.

– Я проверилась. У меня всё в порядке. А если у Никиты вообще не может быть детей?

– Ну так хотя бы будете знать.

– Есть ещё один вариант, но я всё на него не решусь. Когда мы с Андреем только поженились и решили, что дети пока не ко времени, мы сдали генетический материал. Это как-то неестественно. И что я скажу Никите, вдруг он узнает?

– А ничего не говори. Ребёнок твой. Ему и в голову не придёт.

– А если он знает, что у него детей быть не может?

– Тогда он преступник. Он обязан был тебе об этом сообщить. А ты ничего и знать не знаешь. Родила и всё. В крайнем случае скажешь, что может от Андрея, как то сохранилось. Такие случаи были. Пусть генетический анализ сделает. Ну, так Бог решил. Не будет же он к покойнику ревновать? Решай, подруга. Дети – всегда счастье... когда здоровые.

– Это мой ребёнок? – вскричал вскочивший со стула Андрей.

– Твой. Но искусственное зачатие святым тебя не сделает.

– Кошмар... Вернее, счастье. Я буду папой.

– Ты знаешь... В том, что говорит инспектор, есть много правды и справедливого. Что-то в нашем отделении пошло не так.

Картина 4.

Володя – хлипкий, рыжий, сутулый парень двадцати трёх лет, вошёл в большой зал в окружении двух высоких, крепких мужчин в сером одеянии.

Его провели и предложили сесть на стул рядом с адвокатом Вениамином.

Володя сел.

– Слушается дело Владимира Улько, – сказал лысоватый, узколицый председатель и ударил молотком по деревянной подставке. – Владимир Улько скончался, захлебнувшись

собственной желчью. Пожалуйста, господин прокурор.

– Господа присяжные заседатели! Обвинение, которое мы будем сейчас рассматривать – это воровство и предательство, заключающееся в том, что вину за своё воровство обвиняемый Владимир Улько попытался переложить на своих соседей по комнате в общежитии.

– Протест, господин председатель! – сказал сидящий рядом с Володей его адвокат. – Последним деянием моего подзащитного было спасение ребёнка. Маленькой девочки, из огня, ценой собственной жизни.

– Обоснуйте протест, господин адвокат, – сказал председательствующий.

– Внимание на экран.

На экране побежали нестройные картинки последнего сна Владимира, где он выбросил девочку в дверной проём к пожарному, почему-то одетому в дорожный плащ с полосой-отражателем, и в этот момент его захлестнула волна огня и наступила темнота.

– Господин прокурор? – сказал председательствующий.

– Господин председательствующий, господа присяжные! Это всего лишь сон. Я считаю, что мы должны судить обвиняемого по последнему деянию, совершённом им в действительности.

Володя встал, несмотря на попытки адвоката его удерживать.

– Господин председатель, господа присяжные. Попад сию-

да, я обдумывал свою жизнь, стараясь вспомнить всё хорошее, что я, когда-либо сделал, и понял: я недостоин сектора покоя.

В зале пробежал лёгкий шум. Володя думал, что это шум одобрения сказанных им слов, но потом увидел, что к трибуне медленно приближается полноватый, невысокий мужчина.

Подойдя к трибуне и повернувшись к залу, он сказал:

– Думаю, обвиняемый пока может отдохнуть в своих апартаментах и продолжить раздумья над своей жизнью.

Мужчина говорил тоном, когда возражения кого бы то ни было, не предусматривались.

Двое мужчин в сером вывели Володю из зала, а заседание продолжилось.

– Внимание на экран! – сказал инспектор Иуда Менашевич.

На экране появилась Морфея и господин прокурор.

– Ты один из немногих, которые понимают важность и значение снов, – сказала Морфея.

– Во сне человек искренен, и волнует его то, что волнует на самом деле, а не то, что он пытается показать. Правильно? – ответил ей прокурор.

– Господин прокурор! – обратился Иуда Менашевич к прокурору. – Изменили ли вы с тех пор своё мнение и если да, то под действием каких событий это произошло?

Возникла пауза.

– Может, у вас тогда есть что добавить по делу? – продолжил Иуда Менашевич.

– Нет, господин инспектор.

– А что вы можете добавить по делу, господин адвокат?

– Мне нечего добавить, господин инспектор.

– Тогда, господа присяжные, слово за вами. Прошу также учесть глубокое, никем не подсказанное, раскаяние обвиняемого.

Через некоторое время за Володей пришли двое высоких мужчин в сером одеянии и повели его в зал, посадив рядом с адвокатом.

Председатель ударил молоточком, и все встали.

Вошли присяжные.

– Оглашается решение суда присяжных в отношении Владимира Улько. В связи с отсутствием обвинений по последнему деянию Владимира Улько, выразившемуся в спасении ребёнка из пожара ценой собственной жизни, и учитывая его раскаяние в прежних недостойных деяниях, присяжные единогласно постановили распределить Владимира Улько в сектор покоя.

Председательствующий ударил молоточком.

– Заседание окончено.

Картина 5.

Андрей и Вениамин совместно смотрели запись последних секунд жизни известного футболиста.

Им не часто в последнее время доводилось выступать друг против друга.

Иуда Менашевич (и тут нужно отдать ему должное), стараясь разобраться и исправить ситуацию, проявлял такт. Сдружившихся служащих он не заставлял выступать друг против друга. Он закручивал гайки в других местах.

Но в этот раз так совпало, это дело было поручено Андрею и Вениамину как адвокату и прокурору.

– Важно вынести правильное решение, а не покрасоваться перед местным обществом и друг другом. Если человек идёт в сектор раздумий, то он должен осознавать, что это заслуженно, и рано или поздно, но он свою вину искупит, – говорил Иуда Менашевич.

Андрей и Вениамин смотрели, как Евгений Макаров приближается

к воротам, выходя своим прорывом один на один с вратарём, и бьёт. Вратарь в не очень сильном броске ловит этот достаточно слабый удар. А Евгений Макаров падает на траву и уже не встаёт.

– А мог быть первый в истории посмертный гол, – говорит Вениамин.

– А у меня всё время такое впечатление, что он не забил этот гол специально. Я только мотивов понять пока не могу.

– Ну, ты большой спец. Ударил он, конечно, слабо. Но ведь он в этот момент мог уже умирать?

– Давай посмотрим его предыдущие десять голов, забитые

им в других матчах.

Они смотрели отрывок за отрывком. Вениамин любил футбол, но поскольку ему при жизни никогда не угрожало играть в футбол самому, он относился к нему только как к зрелищу. Другое дело Андрей. Он неплохо играл сам, да и умер тоже в процессе игры, хоть и другой. Вениамин смотрел на голы и на происходящее на экране без особого интереса.

– Вот! Вот! Смотри! – Андрей опять поставил просмотренные фрагменты. – Это его десять голов за предыдущие два года в похожей ситуации. Вот перед ударом он мельком глядит то вправо, то влево, потом сосредоточивает внимание на другой стороне и бьёт в тот угол, куда глянул мельком. А в этой ситуации он просто, не бегая взглядом, смотрит на вратаря. Он начинал в этом клубе, а теперь играет против него. Не забивая гол, он предаёт тот клуб и ту команду, за которую играет теперь. Это статья «предательство и злоупотребление доверием».

– Ну, знаешь... Миллионы промахов, ошибок... Мяч – он круглый, Андрей. Тем более перед смертью. Мы же не можем представить. Ну, ладно. Будем спорить в зале суда. Уж лучше пойдём в бар.

Картина 6.

В большой зал двое высоких, крепких мужчин в сером одеянии ввели Евгения Макарова и указали ему место рядом с Вениамином.

– Рассматривается дело Евгения Макарова, умершего вчера вечером от сердечного приступа во время игры в футбол. Захоронение послезавтра, – председательствующий ударил деревянным лакированным судебным молоточком по подставке того же цвета. – Пожалуйста, господин прокурор.

– Господа присяжные! Евгений Макаров – прекрасный футболист... был прекрасным футболистом. Сначала он играл за СКА, и когда СКА вышел в высшую лигу, перешёл в более известный клуб, в Динамо. Он уже тогда предал своих товарищей и соблазнился игрой в более престижном клубе и...

– Протест!

– Обоснуйте протест.

– Господин прокурор должен предъявить обвинение по последнему деянию, а не по истории всей жизни.

– Протест принимается. Господин прокурор?

– Внимание на экран.

На экране был показан последний удар Евгения Макарова – нападающего Динамо – и бросок вратаря СКА, легко взявшего этот мяч.

– Я предъявляю Евгению Макарову обвинение в предательстве и злоупотреблении доверием своих товарищей по команде. Я собираюсь доказать вам, что Евгений Макаров намеренно бил так, чтобы вратарь и его друг Михаил легко взял мяч.

Андрей продемонстрировал десять голевых ударов по во-

ротам, сделанных до того Макаровым. Обратил внимание судей на то, куда он смотрел перед ударом. Показал встречу Макарова с его другом Михаилом за три дня до игры, где Михаил жаловался ему на то, что вот-вот вылетит из команды, и скорее всего, выбьет его именно Макаров в предстоящей игре. Рассказал, что тренер дал ему испытательный срок до первого гола.

– Вот причина, по которой Евгений Макаров решил предать свою команду и спорт вообще, и не забил этот гол. А его команда рассчитывала на победу, и победа была ей очень нужна.

Когда я начал своё выступление, я уже говорил о том, что Евгений Макаров предал свою команду, с помощью которой попал в высшую лигу, где его заметили. Предательство, таким образом, было стилем его жизни.

Предательство и злоупотребление доверием налицо – сектор раздумий первого уровня будет, по моему мнению, справедливым решением.

Андрей сел.

– Господа присяжные! – Вениамин сложил руки так, как будто собирался помолиться. – В нашей жизни часто случалось, что, выполняя свою работу, вам приходилось забыть на время о семье. Или наоборот, стараясь быть хорошим семьянином, отцом, сыном, мужем, вы пренебрегали своими рабочими обязанностями. Можно ли считать это предательством? Получается что так или иначе, совершая любой по-

ступок, человек кого-нибудь предаёт и...

– Протест!

– Поясните.

– Обвиняемый не пренебрёг своими обязанностями, а действовал против них.

– Господин адвокат.

– Мой подзащитный не забивал гол в свои ворота.

– Протест отклонён. Продолжайте.

– Футбол был основным видом деятельности моего подзащитного. Он был его работой. Разве поменять работу на более оплачиваемую и престижную – преступление? Преступление ли, если ты для этого использовал навыки, которыми овладел на предыдущей работе? Конечно, нет. Это принято в обществе и мы не можем требовать от человека, чтобы он не совершал поступков, которые в его обществе не признаются постыдными.

Мой подзащитный внутренне был разъедаем противоречиями. На одной чаше весов – интересы его новой команды, за пренебрежение которыми он мог быть наказан или не получил бы должного уважения. Но ведь не судьба спортивной команды была на чаше весов? Ведь Динамо не угрожало вылететь во второй дивизион? На другой чаше весов – судьба друга, которому угрожало вылететь из команды, которая только-только вошла в высшую лигу. Значит, вся предыдущая жизнь Михаила была бы перечеркнута. А ведь у каждого случалась в жизни полоса невезения. И, спасая Михаила,

Евгений Макаров не получил бы ни премий, ни даже аплодисментов болельщиков.

Господа! Какого из двух людей вы бы предпочли видеть в своём окружении? Человека, который выполнил свои обязательства перед командой, или человека, спасшего ценой собственного авторитета своего друга?

– Протест! Давление на присяжных.

– Протест принимается. Продолжайте.

– Патовая ситуация. Возможно, после того, как мой подзащитный спас друга, его сердце и остановилось. Он уже купил свою вину, если таковая была. Его последним деянием было безвозмездное спасение друга. Ему нечего обдумывать в секторе раздумий. Он поступил достойно. Это сектор покоя, господа присяжные.

Картина 7.

Пресвитер Преториус нашёл Вениамина в баре.

– Здравствуйте, господин адвокат! Я очень рад встрече с вами. Я узнал, что вы отказались считаться святым. Но хочу, чтобы вы знали: я и многие другие не нуждаются в том, чтобы кто-то рассказывал им, кем считать человека, которого они знают. Я всегда буду гордиться, что знаком с вами.

– Здравствуйте, уважаемый Преториус! Я очень рад, что вы покинули сектор раздумий. Как к вам теперь надлежит обращаться? Какая у вас должность в святой инквизиции?

– Никакой должности у меня нет и она мне не нужна. И

никакая должность не поможет мне справиться с проблемой, которая поглощает все устремления моей души. Собственно, поэтому я бы и хотел просить вашей помощи.

– Моей? Но я только адвокат второй ступени. Как я могу помочь представителю святой инквизиции?

– Инквизиция не святая. Это просто чиновники. Я знаком со многими из них. Есть очень замечательные люди. Но я знаком только с одним святым человеком, и это вы. Именно ваша помощь мне нужна в реорганизации сектора раздумий. Но это я тороплюсь. Иуда Бен Менаше хотел бы встретиться с вами... в доверительной обстановке. Я очень хочу, чтобы встретились два человека, которые вместе смогут здесь что-то изменить.

– Я согласен.

– Тогда пойдёмте. Это он прислал меня.

– Заходите, Вениамин! Как настроение? Как ощущения? Не слишком беспокоит контроль инквизиции?

– Да, вроде, и беспокоиться особо не о чем.

– Тут мы с пастором Преториусом одно дело задумали. Надеюсь, доброе.

– Пастор обозначил мне вашу задумку, но сути я ещё не понял.

– Ну, надеюсь, вам как преподавателю юридических дисциплин это понравится.

– Внимательно слушаю, хотя пока и не представляю, чем

я могу помочь.

– Тогда начну сначала. Вам известно дело пастора Преториуса. Ну, как он попал в сектор раздумий.

Ну и кроме этого вы, наверно, со мной согласитесь, что и в нашей судебной практике существуют ошибки.

А кому их исправлять? У нас пока нет даже органа, который сможет ходатайствовать о пересмотре дела. Кроме этого, есть случаи весьма спорные. Но когда человека нельзя отправить в сектор покоя, то и в сектор раздумий... в том виде, в котором он существует сегодня... его опрашивать несправедливо. Вот мы и хотим создать нулевой уровень сектора раздумий. Где страдать или нет – будет предоставлено самой человеческой душе, но никаких страданий, типа однообразной камеры и холода или жары, не будет.

Мы с пастором представляем это как замок, холодное море, некоторый зал с тихой музыкой, с уютными комнатами и камином.

Никакой информации, никакой деятельности, только то, что человек прожил. Пусть сам разбирается, покойно ему или нет. Вот знаете ли вы, кого бы вы хотели перевести из сектора раздумий других уровней в такое место посмертного обитания?

– Да. Пожалуй, найдётся, и не один человек.

– Вот поэтому я и предлагаю вам возглавлять такую адвокатскую комиссию по пересмотру дел. Но этого ещё нужно добиться. А добиться не просто. Сектор раздумий против

таких перемен резко возражает. И в членах совета инквизиции есть ещё серьёзные колебания. И тут мне тоже нужна ваша помощь.

– И что от меня требуется?

– Вы хорошо знаете сектор, в котором работаете. Нужно написать серьёзный доклад, где будут конкретные случаи и справедливость объявленных изменений. Я очень на вас надеюсь. Ваша святость и отказ от сектора покоя – важные основания того, что к вашему докладу члены совета святой инквизиции отнесутся очень серьёзно.

– Какой срок?

– Думаю, за год вы сможете выполнить эту работу, а я постараюсь за это время подготовить в совете наиболее благоприятную почву для его восприятия.

Думаю, вам понятно, что наш разговор должен пока оставаться в абсолютной тайне? В тайне даже от ваших лучших друзей.

– Понятно. Скажите, Иуда Менашевич, а почему сектор раздумий выступает против того, что вы предложили?

– Сомнения сектора раздумий, нужно признаться, вполне основательные. При нынешнем уровне защиты, которая стремится заставить присяжных понять того, кто находится под Небесным судом, даже нацистские преступники могут попасть на нулевой уровень сектора раздумий. А с другой стороны, у каждого или почти у каждого, кто сегодня попадает в сектор покоя, есть какие-то тёмные стороны. Вот так,

как считает сектор раздумий, практически все окажутся на нулевом уровне сектора раздумий. А это нивелирует и сам Небесный суд, и непорочную жизнь. Нечего бояться и не к чему стремиться.

Поэтому реформа, которую мы с пастором Преториусом продвигаем, будет касаться не только этого нулевого сектора, но и самого суда.

Мы хотим, чтобы присяжные не определяли сектора, а только выносили вердикт о виновности.

А сектор будет определять судья, исходя из данных ему критериев.

Одним из таких критериев будет распределение голосов присяжных. Распределение пять-семь – нулевой уровень. Восемь-четыре – первый уровень. Девять-три – второй уровень. Десять-два – третий уровень. Но не только этот критерий. Вина ведь может быть абсолютно доказана, но подсудный проступок весьма незначителен. И наоборот. Будет также введён пересмотр дел с целью отягощения наказания. Прокурорская проверка святой инквизиции может поставить перед судом вопрос о пересмотре дела. И те же права на пересмотр судом дел для смягчения наказания будут и у адвокатской комиссии. Эту комиссию возглавите вы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.